

Список источников иллюстративного материала

5. <https://www.youtube.com/watch?v=vuEQixrBKSc>
6. http://www.issues2000.org/Domestic/Barack_Obama_Crime.htm

Марьина О. В., доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания

Кузнецова А. С., студентка 5 курса филологического факультета

Алтайский государственный педагогический университет

г. Барнаул

ПОКАЗАТЕЛИ СВЯЗНОСТИ В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ, СОЗДАНЫХ В XXI ВЕКЕ

Аннотация. Данная статья посвящена решению проблемы выявления показателей связности в текстах русской художественной литературы, созданных в XXI веке. Определены основания для выделения лексических, синтаксических и графических показателей, отличных от традиционных показателей связности.

Ключевые слова: показатели связности, текст, когезия, расчленённость, связность, континуум, лексические показатели, синтаксические показатели, графические показатели.

Marjina O. V.,

Kuznetsova A. S.

INDICATORS OF CONNECTIVITY IN RUSSIAN FICTION, CREATED IN THE XXI CENTURY

Abstract. This article is devoted to solving the problem of identifying indicators of connectivity in the texts of Russian literature, created in the XXI century, the grounds For the selection of lexical, syntactic and graphic indicators, different from traditional indicators of connectivity.

Keywords: indicators of connectivity, text, cohesion, dismemberment, connectedness, continuum, lexical indicators, syntax indicators, graphical indicators.

Связность как признак текста рассматривается в работах специалистов в области синтаксиса текста, стилистики, филологического анализа текста, при изучении языка художественной литературы с разных позиций. Одни исследователи определяют связность и цельность как основные свойства текста (Н. С. Валгина, В. В. Виноградов, Т. ванн Дейк, А. А. Леонтьев и др.). Другие – соотносят связность с интеграционными процессами, происходящими в тексте (И. Р. Гальперин, О. В. Марьина, А. А. Чувакин и др.). Третьи – выявляя тематическую сетку, рассматривают лексическую связность текста (Н. С. Болотнова, В. А. Лукин, А. А. Зализняк и др.). Четвертые – обращают внимание на средства создания связности (В. В. Бабайцева, Л. Г. Бабенко, Л. Ю. Максимов и др.)

В настоящей статье решается проблема выявления показателей связности в современных русских художественных текстах. Обращение к данной проблеме обусловлено несколькими факторами. Во-первых, тексты начала XXI века выступают в качестве материала исследования ограниченно. Во-вторых, современные тексты, с одной стороны, продолжают литературные традиции рубежа XX – XXI вв., а с другой стороны, в них наблюдается стилевое смешение, смешение родо-жанровых форм и др. В-третьих, наряду с писателями рубежа веков, современную литературу создают «новые», «молодые» авторы, творчество которых, без сомнения, оказывает влияние на литературный процесс в целом, на форму и содержание художественных текстов, в частности. Все это позволяет предположить, что в современных художественных текстах, помимо традиционных

показателей связности, функционируют и новые, ранее не выявленные и, соответственно, не изученные.

Исследователи (О. В. Богданова, И. С. Скоропанова, Т. А. Тернова, С. Чупринин и др.) обращают внимание на то, что в русской прозе рубежа XX – XXI вв. сосуществуют две доминирующие тенденции. Первая – реалистическая словесность, обращающаяся к экзистенциальной и социальной тематике, но разрабатывающая новые приемы подачи и интерпретации материала: документализм, нетипичность и парадоксальность сюжетных ситуаций, контрастное сопоставление разных точек зрения, монолог и несобственно-прямая речь, конфликт между внешним и глубинным смыслом происходящего и переживаемого. Вторая – постмодернистская, выраженная в ироническом обыгрывании классических сюжетов и реминисценций, в стилизации и шутовском подражании классическим авторам, в провокации эпатажа, в пренебрежении принципом правдоподобия [16].

Идею синтеза постмодернизма и реализма, называя это явление «трансмодернизмом», поддерживает Н. Б. Иванова. В качестве формально-смысловых параметров этого литературного феномена она предлагает следующие признаки: «развертывание текста как единой многоуровневой метафоры, интеллектуализация эмоциональной рефлексии, проблематизация «проклятых вопросов» русской классики» [6, с. 201].

Н. Г. Бабенко выявляет не синтезированные, а диалогические отношения между литературными направлениями и постмодернизмом [2, с. 4], который, с позиции исследователя, является наиболее влиятельной и агрессивной парадигмой второй половины XX века.

О том, что реалистическая картина мира (на рубеже XX – XXI вв.) сосуществует и взаимодействует с противоположными художественными установками пишет С. С. Имехелова: «Пройдя через всю историю столетия и стремясь отвечать новому видению мира, весьма противоречивому, разорванному, реализм и в начале 21 века способен отвечать той философско-эстетической концепции, которая допускает самые разнообразные возможности познания, способен претворять идею диалектически противоречивой целостности бытия» [8, с. 206]. Таким образом, не столько сосуществование, сколько взаимодействие нескольких литературных направлений и течений, их влияние друг на друга определяют специфику языка современных художественных текстов.

Одним из основных вопросов текстообразования является вопрос о связности текстовых компонентов. Это объясняется тем, что «текст как объект лингвистического исследования представляется прежде всего, как информационное и структурное единство, как функционально завершенное речевое целое» [3]. Данное качество текста дает возможность определить достаточно четкие закономерности текстообразования.

На основе положения о том, что текст отличается от бессвязного набора фраз наличием таких признаков, как структурная и содержательная связность, И. Р. Гальперин использует понятие «когезия» [5, с. 125].

О. И. Москальская выделяет такой признак связности текста, как когерентность: «Когерентность понимается как цельность текста, заключающаяся в логико-семантической, грамматической (прежде всего синтаксической) и стилистической соотнесенности и взаимозависимости составляющих его предложений. Когерентность текста есть результат взаимодействия логико-семантического, синтаксического и стилистического видов когезии» [12, с. 46].

Таким образом, когерентность и когезия не являются тождественными понятиями, т.к. когерентность – это свойство текста, а когезия – это свойство элементов текста, не меньших, чем предложение. Данную идею подхватил М. Л. Макаров. Согласно мнению учёного, «когеренция шире когезии, она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и

функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса, как локальной, так и глобальной, то есть формальная связность текста (когезия) соотносится с содержательной связностью (когерентностью), выступающей в качестве уточнения категорий информативности и целостности текста» [10, с. 195].

Когерентность определяет понятийно-смысловую цельность текста, а когезия – это использование соответствующих языковых единиц, форм и эксплицитных коннекторов.

Д. Фоккема в своих трудах приходит к выводу о том, что в современных художественных текстах реализуется так называемый «принцип нониерархии», лежащий в основе их структурирования и формообразования. Исходя из данного положения, учёный определяет в качестве признаков связности текста (наряду с дублированием, перечислением и умножением) прерывистость и избыточность. Данные признаки вступают друг с другом в тесную связь: все они в равной степени направлены на нарушение когерентности повествования. Признак избыточности предлагает читателю с одной стороны, наличие слишком большого количества коннекторов, привлекающих его внимание к чрезмерной связности текста, с другой стороны, навязчивую описательность, перегружающую реципиента лишней (ненужной) информацией.

Идею Фоккемы продолжил Д. Лодж, исходя из того же представления о художественном тексте как о специфическом коллаже, по своей природе не способном трансформировать в единое целое свою принципиально фрагментированную сущность.

Учёный полагает, что постмодернистский текст ищет альтернативный принцип композиции. Д. Лодж выявляет шесть альтернатив: противоречивость, прерывистость, пермутация, эксцесс, случайность и короткое замыкание. Противоречивость выступает у Д. Лоджа в качестве основного признака, т. к. остальные приведенные им «технические приемы» являют собой скорее дополнение и развитие этого главного постулата, чем качественно другие явления. «Принцип нонселекции выступает как последовательное смешение явлений и проблем разного уровня, уравнивание в своей значимости совсем незначительного и проблемного, перетасовка причин и следствий, посылка и заключения» [7].

Такой подход реализует отступление от традиционного построения дискурса, системы коннотативных и денотативных значений на всех уровнях текста, который уже не подчиняется функции классического (традиционного) восприятия.

Так, интерпретация не связана с реконструкцией исходного значения текста, задающегося авторским замыслом или объективными структурными параметрами. Интерпретация приравнивается к «деконструкции» текста и предполагает выявление скрытых смыслов, не обязательно осознаваемых автором (сознательную деятельность может производить читатель). Текст описывается не как неизменная данность, а как поле равноценных значений. Потенциал «открытий читателя» в тексте не ограничивается [20]. А это значит, что любой текст может иметь несколько интерпретаций и смыслов, что вызвано индивидуальным типом мышления и восприятия каждого читателя.

Итак, современные литературные направления/ течения порождают новые, специфические тексты, в которых связи устанавливаются на основе нетрадиционных принципов: деконструкции классической структуры, кодирования, отказа от традиционного отбора языковых средств во время «производства» текста (нонселекции/ нониерархии), прерывистости изложения мыслей – с одной стороны, а с другой – «тотального игнорирования моральных границ и запретов» и др.

В подтверждение гипотезы нашего исследования мы проанализировали тексты русской художественной литературы, созданные в XXI веке, имеющие разную родо-жанровую принадлежность, и выявили показатели связности.

Анализ фактологического материала дал следующие результаты:

1. **Лексические показатели связности** (повторяющиеся семантические компоненты). По мнению М. И. Откупщиковой, «повторение смысла – необходимое условие появления и существования текста» [14, с. 40]. Например: «...не кричите я не кричу это кричит

встречный *тра та та* в чем дело *тра та та* что *тра* кто *там та* где *там там там* *Вета ветла ветлы ветка* там за окном в доме *том тра та том* о ком о чём о *Ветке ветлы о ветре* тарарам трамваи *аи* вечер добрый *билеты би леты* чего нет...» [18, с. 17-18].

Повторяющийся семантический компонент связывает предикативные части, подчеркивая семантическую цельность всей текстовой конструкции. Важно заметить, что некоторые повторяющиеся элементы несколько видоизменены. Причём их видоизменение разнородно: разделение слова на части (билеты – би леты), повторение отдельных частей слова как самостоятельных (трамваи – аи; там – та), изменение слова / появление нового (созвучного) слова (о Ветке – ветлы – о ветре; Вета – ветла – ветлы – ветка), изменение формы слова (не кричите – не кричу – кричит).

Помимо видоизменённых лексем, наблюдается наличие одинаковых словоформ (там там там; тра та та), что демонстрирует в семантическом плане поток сознания, мыслительный процесс героя.

Лексические показатели связности претерпевают изменение и в лирических текстах:

*училась писать чтобы писать письма
к тебе*

*училась читать чтобы читать письма
от тебя*

*училась считать чтобы считать письма
от тебя*

*училась ходить чтобы не сделать ни шагу
к тебе* (128) [15].

В одном текстовом фрагменте обращает на себя внимание «избыток» лексических повторов: повтор слов «училась», «писать», «читать», формы слова. Так акцентируется внимание читателей на ключевых моментах стихотворения, образующих когезию и когерентность текста, то есть повторяющиеся элементы становятся семантическим центром текста.

Таким образом, лексические средства связи в современных художественных средствах – это не только традиционный повтор слов, использование однокоренных слов и др., но и видоизменение словоформ путём их «дробления», замены звуков в слове и т.д. При этом каждая лексема выступает как самостоятельная семантическая единица. С помощью такого приёма читатель акцентирует внимание на семантической составляющей текста, что обуславливает целостное восприятие «потока мысли» лирического героя.

2. Синтаксические показатели связности

1) Объёмные предложения: *«Ты хочешь покинуть ров, вернуться назад, в комнату, ты уже поворачиваешься и пытаешься отыскать в отвесной стене рва дверь, обитую дерматином, но мастер успевает удержать тебя за руку и, глядя тебе в глаза, говорит: домашнее задание: опиши челюсть крокодила, язык колибри, колокольню Новодевичьего монастыря, опиши стебель черемухи, излучину Леты, хвост любой поселковой собаки, ночь любви, миражи над горячим асфальтом, ясный полдень в Березове, лицо вертопраха, адские кущи, сравни колонию термитов с лесным муравейником, грустную судьбу листьев – с серенадой венецианского гондольера, а цикаду обрати в бабочку; преврати дождь в град, день – в ночь, хлеб наш насущный даждь нам днесь, гласный звук сделай шипящим, предотврати крушение поезда, машинист которого спит, повтори тринадцатый подвиг Геракла, дай закурить прохожему, объясни юность и старость, спой мне песню, как синица за водой поутру шла, обрати лицо свое на север, к новгородским высоким дворам, а потом расскажи, как узнает дворник, что на улице идет снег, если дворник целый день сидит в вестибюле, беседует с лифтером и не смотрит в окно, потому что окна нет, да, расскажи, как именно; а кроме того, посади у себя в саду белую розу ветров, покажи учителю Павлу и, если она понравится ему – подари учителю Павлу белую розу, приколи цветок ему на ковбойку или на дачную шляпу,*

сделай приятное ушедшему в никуда человеку, порадуй своего старого педагога – весельчака, балагура и ветрогона» [18, с. 30].

Объем предложения обусловлен не только тем, что оно включает несколько частей, объединенных между собой разными средствами связи (в основе частей одна структурная схема – это, в свою очередь, указывает на возможное продолжение предложения), но и тем, что оно имеет в своем составе интексты (*хлеб наш насущный даждь нам днесь; подвиг Геракла; розу ветров; учителю Павлу и др.*).

2) Предложения без знаков препинания: *«...спи спи пропахшая креозотом ветка утром проснись и цвети потом отцветай сыпь лепестками в глаза семафорам и пританцовывая в такт своему деревянному сердцу смейся на станциях продавайся проезжим и отъезжающим плачь и кричи обнажаясь в зеркальных купе как твое имя меня называют Веткой я Ветка акации я Ветка железной дороги я Вета беременная от ласковой птицы по имени найтингейл я беременна будущим летом и крушением товарняка вот берите меня берите я все равно отцветаю это совсем недорого я на станции стою не больше рубля я продаюсь по билетам а хотите езжайте так бесплатно ревизора не будет он болен погодите я сама расстегну видите я вся белоснежна ну осыпьте меня совсем осыпьте же поцелуями никто не заметит лепестки на белом не видны а мне уж все надоело иногда я кажусь себе просто старухой которая всю жизнь идет по раскаленному паровозному шлаку по насыпи она вся старая страшная я не хочу быть старухой милый нет не хочу я знаю я скоро умру на рельсах я я мне больно мне будет больно отпустите когда умру отпустите эти колеса в мазуте ваши ладони в чем ваши ладони разве это перчатки я сказала неправду я Вета чистая белая ветка цвету не имеете права я обитаю в садах не кричите я не кричу это кричит встречный...» [18, с. 17].*

Отсутствие знаков препинания в предложении в семантическом плане указывает на поток сознания героя. В структурном же плане мы наблюдаем нерасчленённую синтаксическую конструкцию, части которой связаны с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств.

3) Предложения со свободной прямой речью: *«... Магтахинэ опустила рядом на колени, погладила его по щекам, по лбу: Акоп-джан, скажи, что ты этого больше не хочешь, я этого больше не хочу, шепнул Акоп, едва шелестя своими бескровными губами, не мне говори, а ей, рассердилась Магтахинэ, ты знаешь, кто тебя мучает, скажи ей что ты этого больше не хочешь, крикни один раз, но так, чтобы она услышала, Акоп едва заметно кивнул, прикрыл глаза, глубоко вдохнул и исторгнул из себя нестерпимо страшный, ранящий гортань вопль» [1, с. 213].*

Появление в художественном тексте конструкции со свободной прямой речью способствует целостному восприятию читателем описываемой ситуации.

Синтаксические средства связи тесно взаимодействуют в художественных текстах с графическими средствами связи.

3. Графические показатели связности

1) Отделяющие знаки препинания внутри предложения (при этом следующее предложение (его часть) начинается со строчной буквы): *«самое большое – это не города, которые мы оставляем за спиной, не улицы, по которым нам уже не пройти, не деревья, которым не под нашими окнами облетать, не звезды, до которых нам не дотянуться.*

это не полусгнившая калитка с насквозь проржавевшей щеколдой – сто лет назад эту щеколду выковал твой прапрадед-кузнец Василий – человек суровый и несгибаемый, но бесконечно, бесконечно тобой любимый...» [1, с. 317].

Знак конца предложения является разделительным средством связи, который отделяет одно предложение от другого. Расчленение текста увеличивается в данном примере за счет ещё одного дополнительного графического средства – абзацного членения: продолжение предложения представляет собой самостоятельный абзац, начинающийся со

строчной буквы. Таким образом, данное графическое средство одновременно указывает и на связность компонентов текста и на их расчлененность.

2) Абзацное членение некоторых современных художественных текстов отличается от традиционного абзацного членения. Это отличие проявляется в том, что одно предложение может быть разделено на абзацы, например,

*«и вот что я хотела сказать
самое больное, что города умирают ровно в тот
день, когда мы их покидаем – на время или навсегда, они
затворяются на все засовы, захламляются – пылью и
пеплом, обращаются в марево, в мираж, мы мчимся
назад – блудными сыновьями и дочерьми – вприпрыжку,
впрысочку, наперегонки со своим сердцем
туда, где дано уже никого нет
слишком долго мы выросли
слишком долго учились отделять зёрна от плевел
самое большое – невозможность обнять тех, кто
не смог тебя дождаться»* [1, с. 318].

Заметим, что такого рода членение выполняет двойную функцию: связывает части текста, указывая на его ключевые элементы, и выделяет из состава целого микротемы.

В некоторых текстах наблюдается помимо абзацного членения, членение на микроабзацы и макроабзацы, например,

«Что-то же должно превращать горящие заросли колючек – подумаешь, каждое лето леса горят, - в неопалимую купину.

Для смертных язык – единственная форма существования Пользователя. И представляет таким образом тварь и Творца одновременно.

Вальзер удивился бы упрёку в неразборчивости написанных им букв, которые к концу съезжились до размера точки. Джойс не сомневался во внятности «Finnegans Wake». Оба сказали чисто и ясно то, что хотели сказать, и были понятны» [19, с. 206].

В данном фрагменте микроабзац графически выделен отступом с новой строки, а макроабзац – пропуском строки, что обусловлено семантической членимостью текста. При этом графически текст является целостной конструкцией.

3) Креолизованные тексты. Заметим, что в таких текстах средства креолизации представлены не просто иллюстративным материалом, а иллюстрациями с цитатами из текста, например,

Аня. Да. Дмитрий приехал.

Сева. Надолго?

Дмитрий. Если войны не будет - надолго.

Елизавета Сергеевна. Я, когда таких мальчиков встречаю - так мне их жалко.

Что я могу для них сделать? Чем помочь?

Хочется подойти, сказать «все будет хорошо».

Аня. Он не такой.

Дмитрий. Я веселый.

Аня. В транспорте он улыбается
взрослым незнакомым женщинам.

Дмитрий. Мне жизнь нравится,
мне кажется, что я все могу.

Андрей. Он похож на героя.

Аня. Все так говорят.

Сева. Ну - с приездом!» [13].

Данный пример демонстрирует связность текста через креолизацию (иллюстрации с цитатами из текста). Важно заметить, что иллюстрация с цитатой из текста даёт читателю наглядное представление о героях.

Таким образом, нами выделены показатели связности текста, а в некоторых случаях его связности и расчленности, характерные для художественных текстов, созданных в XXI веке. Отметим, что выявленные показатели связности отличаются от традиционных. Это обусловлено тем, что современные художественные тексты демонстрируют отход от сложившихся представлений о семантике и структуре текста.

Библиографический список

1. Абгарян, Н. С неба упали три яблока. – М.: АСТ, 2015. – 318 с.
2. Бабенко, Н. Г. Язык русской прозы эпохи постмодернизма: Динамика лингвопоэтической нормы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Г. Бабенко. – СПб, 2008. – 45 с.
3. Валгина, Н. С. Теория текста. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
4. Воборжил, Л. Лексические и другие средства когезии текста: на материале русского, 1998 – 110 с.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
6. Иванова, Н. Преодолевшие постмодернизм / Н. Иванова // Знамя. – 1998. – №4. – С. 193-204.
7. Ильин, И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 252 с.
8. Имixelова, С. С. О судьбе реализма в русской прозе конца XX века / С.С. Имixelова // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе (архетип, мифологема, мотив). Материалы II Международной научной конференции (25-26 января 2005 г.). – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2005. – С. 216-217.
9. Кирвалидзе, Н. Г. Прагматический аспект дейктических средств языка (на материале современного английского языка) // Филол. науки, №6 1988. – С. 58.
10. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДКГ Гнозис, 2003. – 252 с.
11. Милевская, Т. В. Связность как категория дискурса и текста: Когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты / дисс. ...доктора филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 390 с.
12. Москальская, О. И. Грамматика текста. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.
13. Мухина, О. Ю (пьеса с картинками) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.theatre.ru/drama/muhina/u.html> (дата обращения: 2.03.2018).
14. Откупщикова, М. И. Синтаксис связного текста: Учеб. пособие. – Л.: ЛГУ, 1982. – 103 с.
15. Павлова, В. Письма в соседнюю комнату: тысяча и одно объяснение в любви / Вера Павлова. – М., АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – 317 с.
16. Русская литература [Электронный ресурс] // URL : <http://www.novrosen.ru/Russia/culture/literature.htm> (дата обращения: 4.03.2018).
17. Руднев, В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.
18. Соколов, С. Школа для дураков. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 256 с.
19. Шишкин, М. П. Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 318 с.
20. Щирова, И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учеб. пособие. СПб: ООО «Книжный Дом», 2007. – 472 с.